

Софичка

Был чудный сентябрьский день. Софичка, девятнадцатилетняя чегемская девушка, сидела на взгорье у выхода из каштановой рощи и отдыхала, погруженная в томительные раздумья. Она сидела, опершись спиной о могучий серебристый ствол поваленного бука. Рядом с ней стояла плетеная корзина, наполненная ежевикой, и солнечные лучи мерцали и дробились на иссиня-черных зернистых ягодах.

Еще невысоко над горами поднявшееся светило приятно припекало ее голые ноги, обутые в дешевые парусиновые башмачки, нежным теплом прикосалось к ее телу, проникая в него сквозь легкое ситцевое платье, и Софичка блаженно цепенела от этих прикосновений. Ее темные лучистые глаза на смуглом лице, обычно сияющие навстречу всему живому неистощимым светом, были сейчас пригашены поволокой раздумья.

Вокруг нее стрекотали кузнечики, гудели шмели, пахло усыхающей травой, папоротниками, пригретой землей. Перед ней чуть пониже простирались заросли папоротников и азалий, а дальше начиналась холмистая местность, зеленеющая травой и желтеющая под кукурузными полями.

Слева от нее, громоздясь друг над другом, поднимались синеющие горы, а над горами вздымались хребты, вершины которых врезались в голубизну неба, сверкая аппетитным свежавыпавшим снегом.

Справа, плавно опускаясь, зеленые холмы переходили в прибрежную низменность, закутанную в сире-

невую дымку, прорезанную блестящими гибкими рукавами Кодора и кончающуюся призрачной стеной моря с неподвижным черным силуэтом парохода, как бы висющим в воздухе. Оттуда дул ровный прохладный ветерок.

Над холмами с утра со стороны Кубани пролетали коршуны. То огромными стаями, то запоздалыми одиночками, они летели, устало взмахивая крыльями, иногда подолгу кружась на одном месте, изредка опускаясь на деревья, и постепенно пролетали куда-то дальше в сторону Батуми. С холмов доносились негромкие хлопанья выстрелов, лай и взвизги разгоряченных собак. Там с утра бродили охотники на коршунов, диких голубей и перепелок.

Жители западного края Чегема, где жила Софичка, никогда не охотились на коршунов, считая их несъедобными птицами, и посмеивались над жителями восточного края Чегема, которые охотились на коршунов и находили их мясо вполне съедобным. Они, в свою очередь, посмеивались над жителями западной части села за их упрямое нежелание признавать коршуна съедобным. Жители западной части Чегема, находясь в гостях у жителей восточной его части, зорко следили, чтобы их случайно, а то и нарочно, в насмешку не угостили этой пролетной российской птицей. А те так и норовили подсунуть им коршунятину под видом индюшатины.

В сущности, Софичка в этом месте вышла из лесу, где собирала ежевику, со смутной надеждой встретиться с одним из охотников на коршунов, Роуфом. Софичка была в него влюблена, хотя сама себе в этом не признавалась. Она влюбилась в него прошлым летом, когда на большом дворе сельсовета проводились праздничные игры.

Играли в мяч. Тряпичный мяч оспаривали две команды из равного количества игроков. Суть игры состояла в том, чтобы, схватив мяч, пробежать с ним до края

поля, принадлежащего противнику, и шлепнуть им по забору, ограждающему двор сельсовета.

На того, кто схватил мяч, наваливались игроки противной команды, стараясь отнять его. Мяч можно было вышибать из рук противника, выдергивать, вырывать. А самого противника разрешалось тянуть за руки, за ноги, валить его на землю, и только нельзя его было бить. И на том, как говорится, спасибо.

Женщины, девушки, мужчины, старики, дети — словом, все, кто не принимал участия в игре, сидели у края поля, следя за игрой и криками подбадривая своих родственников и близких.

Софичка сидела в этой толпе в праздничном крепдешиновом платье и красных городских туфлях, которые, кстати, ужасно давили ей ноги. Увлеченная игрой, она забыла об этом и во все глаза следила за тем, что происходит на поле.

Вдруг игроки сгрудились посреди лужайки, некоторые повалились на землю, некоторые пытались оттолкнуть друг друга, некоторые напрыгивали сверху на сцепившуюся массу тел, и совершенно невозможно было понять, у кого в руке мяч.

И когда азарт зрителей дошел до предела, из массы тел высунулась голова, а потом грудь в синей майке. И на долгое мгновение игрок замер, напряженно наклонившись вперед, с мощно вздувшимися мышцами плеча, с выпукло натянувшей майку грудью, с блестящими зубами оскаленного рта, и было волнующе непонятно, сумеет ли он вырваться из обхвативших его со всех сторон рук и ног или рухнет назад в эту свалку.

— Роуф, рванись! — вдруг резко выкрикнул из толпы зрителей старый Хасан и с силой всадил свой посох в землю. Это он так взбадривал своего сына.

И Роуф, словно конь, огретый камчой всадника и одним прыжком одолевающий уносящий его поток, вырвался из свалки, проволочив несколько метров вцепившегося в его ногу игрока, сошвырнул его и кинул-

ся к условным воротам противника. Игроки с гиканьем пустились за ним, но догнать его уже никто не мог. Подбежав к краю поля, он с налету влепил мяч в забор, ограждающий двор сельсовета.

Возвращаясь домой после праздничных игр вместе с другими девушками своего края села, Софичка, держа в руках красные городские туфли и быстро переступая босыми ногами, вполуха слушала веселую болтовню подружек. Перед ее глазами так и стояло наклоненное вперед напряженное тело Роуфа с мощно вздувшимися мускулами плеча, с выпуклой грудью, обтянутой синей майкой, и оскаленным белозубым ртом. Вечером во время ужина в Большом Доме вспоминали подробности дневных игр возле сельсовета. Софичка была внучкой брата старого Хабуга. И дед, и отец, и мать у нее давно умерли, и она вместе со своим братом воспитывалась в доме старого Хабуга.

— Ну и силен этот коршуноед Роуф, — сказал брат Софички, — хотел бы я с ним схватиться когда-нибудь.

Звали его Нури. Он был очень задиристым и горячим парнем. Услышав слова брата, Софичка вспыхнула, сама не зная почему. Слава богу, никто ничего не заметил.

В ту ночь Софичка плохо спала. Ей все мерещились эта игра, крики зрителей, беготня и свалка полураздетых парней, и напряженно выжимающееся из этой свалки тело Роуфа, и крик старого Хасана, вонзившего посох в землю, и рванувшееся после этого крика тело Роуфа, проволочившего вцепившегося в него парня.

С того дня что-то странное произошло с Софичкой: ей всюду мерещился Роуф. Раньше ей никогда ни один парень не мерещился. Она никогда не думала, что ей может примерещиться какой-нибудь парень. Тем более она не думала, что ей может примерещиться кто-нибудь из коршуноедов.

Но так получилось, что она сначала восхитилась силой и мужеством, с которыми он вырывался из толпы, потом он стал ей мерещиться, а потом уже брат напомнил, что он из коршуноедов. Если б она сразу об этом вспомнила, может быть, он и не стал бы ей мерещиться. Но теперь уже было поздно об этом думать. Теперь ей ужасно хотелось его увидеть и понять, отчего он ей мерещится. Ей казалось, что, если она его увидит, она поймет, отчего он ей мерещится, и он перестанет ей мерещиться.

Дней через десять Софичка вместе с девушками и женщинами своей бригады с пустыми корзинами в руках возвращались из табачного сарая, куда носили табак после ломки. И вдруг он им встретился на тропинке. Увидев их, остановился. Широкогрудый, высокий, перепоясанный тонким абхазским поясом, он стоял с густо облепленной черными глянцевыми ягодами веткой лавровишни в руке. Светлые глаза его на загорелом лице блестели, рот улыбался. Он стоял на тропе, готовясь пропустить их мимо себя, и взгляд его упал на Софичку, и рот его, сверкнув белыми зубами, еще шире растянулся в улыбке. Софичка почувствовала, что сейчас он ей что-то скажет, и ей стыдно стало, что ее платье замазучено черным соком табачных листьев и от него же ее ладони черны. И она, слегка прикрываясь корзиной, прошла мимо, чувствуя на себе его улыбающийся взгляд.

— До чего же ты миленькая, Софичка, — сказал он, выплевывая косточку лавровишни, — так бы тебя и съел.

Софичка покраснела, девушки прыснули, а когда они прошли несколько шагов, одна из них быстро обернулась и дерзко крикнула:

— А мы-то думали, что вы одних коршунов едите!

Тут девушки взорвались смехом и стали оглядываться, чтобы понять, какое впечатление произвели на Роуфа слова их подружки. Судя по тому, что он, улы-

баясь, продолжал смотреть им вслед, он не обиделся. После этого они всю дорогу до самой плантации обсуждали это происшествие.

— Вот тебе и блажененькая, — говорили они, — какого коршуноеда сглазила.

Считалось, что Софичка слегка не в своем уме. Очень уж она была доброй. Чегемцы, как и прочее человечество, не привыкли к такой дозе необъяснимой доброты.

Низко склонившись к табачным стеблям, Софичка быстрыми пальцами ломала табак и думала об этой встрече и его словах. Она не слишком понимала, что означает его шутка, но радость, струящаяся в ней, сейчас сама подсказывала, что слова его сулят что-то таинственное, сладостное, счастливое. Выходит, он ее заметил тогда на играх, когда она была в праздничном платье и новеньких городских туфлях? Или раньше когда заметил?

В следующий раз они встретились в доме охотника Тендела на пирушке, устроенной по случаю возвращения его внука из армии. Софичка была среди других девушек, обслуживающих пиршественный стол.

Роуф сидел в углу и, пострругивая яблоко перочинным ножом, рассказывал веселую историю о том, как он, будучи в армии, обучал жену какого-то капитана верховой езде. Жена этого капитана, оказывается, хотела соблазнить его, а он никак этого не мог понять. Другие девушки, обслуживавшие столы вместе с Софичкой, сгрудились возле него и, посмеиваясь, слушали. Софичка тоже со жгучим любопытством слушала его, но хозяйка дома не дала ей дослушать.

— Софичка, — крикнула она ей, — вон за тем столом сациви кончилось!..

И Софичке пришлось пойти на кухню и принести оттуда бутылку сациви. Уже на кухне она услышала взрыв хохота, раздавшийся за тем краем стола, где си-

дел Роуф. Видно, он что-то смешное сказал, но Софичка так и не узнала что. Разлив сациви гостям, она вернулась туда, где сидел Роуф.

Он уже рассказывал о том, как они с женой капитана спешились в лесу, потому что она притворилась, что ее укачало на лошади. Но он еще не знал, что она притворяется. Он бегал к ручью и, наполнив свою пилотку водой, обливал ее лицо и шею, а она только стонала и мотала головой, как бы показывая, что ей нужны совсем другие процедуры. Но он этого не понимал и все время бегал к ручью со своей пилоткой. Софичке было ужасно интересно, чем это все кончится. Она удивлялась, как это Роуф ничего не понимал, когда она, Софичка, и то все поняла. Но тут ее хозяйка опять отвлекла.

— Софичка, — крикнула она, — посмотри на этот стол, здесь вино кончается!

Софичка схватила со стола кувшин, побежала на кухню, сунула шланг в бочку, вытянула из него вино, и, когда она направила струю вина в кувшин, с веранды раздался как бы заключительный хохот, и Софичка поняла, что самое интересное прозвела. Ей стало до слез обидно, что всегда ее первой зовут, когда надо что-нибудь сделать. Вон сколько девушек обслуживают стол, а зовут все равно ее. Она вернулась на веранду, поставила кувшин на стол, где не хватало вина, и подошла к тому месту, где сидел Роуф. Но тут уже все было кончено, и Софичка хотя ужасно любопытствовала, но никак не осмеливалась спросить у девушек, чем же закончилась эта история с женой капитана. Ей хотелось думать, что она ничем не закончилась.

— Что ж ты все постругиваешь яблоки, — спросила у Роуфа одна из девушек, — что же ты ничего не кушаешь?

— Я бы, пожалуй, одну из вас съел, — сказал Роуф улыбочиво, оглядывая девушек и отправляя в рот дольку яблока.

Девушки дружно рассмеялись, выражая готовность быть съеденными таким замечательным парнем. Эти девушки не знали, что он уже это говорил Софичке. Он опять намекает, подумала Софичка, ликуя от жаркого предчувствия. Замерев от счастья, она прислушалась, не добавит ли он чего-нибудь к своим словам, чтобы окончательно ясно было, что он имеет в виду Софичку, но тут опять вмешалась хозяйка.

— Да что вас там медом приклеили, что ли?! — крикнула она. — Софичка, гостей пора мясом обносить!

И Софичка, вздохнув, пошла обносить гостей мясом.

За этот год она еще несколько раз встречалась с Роуфом, и при первой встрече, они были одни, он еще раз сказал ей, улыбаясь, что она такая миленькая, что он готов съесть ее. На этот раз его слова так взволновали Софичку, что она всю ночь не спала, переворачиваясь с боку на бок, то прижимая к себе одеяло, то откидывая его прочь, и никак не могла успокоиться. И она решила, что, если он еще раз скажет эти слова, она ему ответит с неслыханной дерзостью.

— Так съешь меня, кто тебе мешает! — вот что она ему ответит, если он еще раз так ей скажет.

Но он почему-то больше этого не говорил, и Софичка мучилась, думая, что ему теперь понравилась совсем другая девушка и он, может быть, ей говорит эти слова.

В последний раз она его видела, когда он заглянул в табачный сарай, где она низала табак. Софичка была одна. Она попыталась встать ему навстречу, но почувствовала, что ноги ее страшно отяжелели. Она подумала, что сейчас он повторит эти слова, но она никак не сможет ответить ему то, что собиралась ответить. Сейчас ей было очень стыдно сказать ему так. Но он ничего не сказал, хотя она всем своим существом почувствовала, что он ей хочет сказать что-то очень важное.

Но он почему-то ничего ей не сказал, а только, неловко помедлив в дверях, спросил, не видала ли она бригадира.

— Не видала, — выдохнула Софичка, чувствуя одновременно облегчение и разочарование и боясь, что он заметит, как табачная игла подрагивает в ее руке.

...Обо всем этом думала Софичка, сидя на взгорье, глядя на желто-зеленые холмы, откуда доносились слабые хлопанья выстрелов, греясь на солнце, слушая верещание кузнечиков и вдыхая томящий дух усыхающих трав и папоротников. А по синему бездонному небу все плыли и плыли коршуны, взмахивая крыльями — медленно, мощно, устало.

Внезапно Софичка услышала за собой шелест травы и, очнувшись от раздумий, испуганно обернулась, словно кто-то мог подсмотреть ее тайные мысли и видения. Это был Роуф.

Он шел легкой, сильной походкой. Лицо его было радостно возбуждено, по-видимому удачной охотой. На его широком охотничьем поясе, чуть бронзовея на солнце, телепались три серых коршуна.

Восторг и страх одновременно пронзили Софичку, но губы ее сами расцвели улыбкой. Она так хотела увидеть его — и вот он!

И он тоже обрадовался ей, и она заметила, как лицо его озарилось, а светлые глаза полыхнули. Но он еще был полон охотничьего азарта.

— О, Софичка! — крикнул он. — Как я рад! Сиди, сиди! Взгляни сюда!

Он приподнял обеими руками тяжелых птиц и качнул ими на ладонях, словно на весах, как бы гордясь мощным, неоспоримым доказательством охотничьей удали.

— Ты видишь, — говорил он восторженно, — а этот какой! И у меня мелкая дробь, ты понимаешь?! Я взял не те патроны, ты понимаешь?!

— Да, да! — воскликнула Софичка, проникаясь его настроением, хотя не очень понимала, что означает мелкая дробь. — А тебе их не жалко?

— А чего жалеть, — кивнул он на небо, — вон их сколько пролетает...

Раздвинув птиц, чтобы не подмять их, он сел рядом с ней. Ее обдало крепким запахом пота, от которого темнела его сатиновая рубашка на груди и под мышками. Он скинул с плеча свою двустволку и положил ее на траву рядом с собой. Потом вынул из кармана платок, отряхнул его и, распахнув на груди рубашку, стал протирать платком шею и грудь. Та самая синяя майка мелькнула под рубашкой, и Софичка, застыдившись, опустила глаза. От истового протирания шеи и груди он оскалился, как тогда во время игры, когда напряженно вырывался из свалки. По его резким движениям Софичка чувствовала, что его все еще не покидает охотничий азарт.

— Мелкая дробь, понимаешь, — продолжал он, отряхивая платок и вкладывая его в карман. Он вытянул ноги, обутые в чупяки из сыромятной кожи. — Надо очень близко подпускать, а я не знал! Стреляю — не берет! Вижу — попал! Не берет! Потом только догадался, что патроны не те.

Софичка почувствовала некоторую обиду оттого, что он все время говорит о своей охоте, а ее вроде не замечает. Может, начни он заигрывать с ней, она бы сама попыталась оттолкнуть его от таких разговоров, но сейчас ей очень захотелось приблизить его к тому, что жгло ее и изводило весь год.

— Роуф, — сказала она, вздрагивая от волнения, — в тот раз, когда ты заглянул в табачный сарай, ты ведь хотел мне что-то сказать? Мне ведь не почудилось?

— Какой табачный сарай? — спросил Роуф, медленно возвращаясь от своих коршунов на землю.

— Ну, в тот раз, — еще сильнее волнуясь, напомнила Софичка, — когда ты спрашивал про бригадира, ты ведь совсем другое хотел мне сказать?

Роуф осоловело смотрел на нее несколько секунд и вдруг, запрокидываясь на ствол бука, вскинул ружье и — бабах в небо!

Софичка ахнула от страха, прихлопнула ладонями уши и посмотрела вверх. Она увидела огромного коршуна, пролетающего над ними, и успела заметить, как он отпрянул после выстрела, словно подброшенный дробью, но тут раздался второй выстрел, и коршун, с каждым мгновением вырастая на глазах, пошел вниз и шлепнулся на траву недалеко от них. Он побежал по траве, уродливо вскидывая обессиленными огромными крыльями. Роуф кинулся за ним и через несколько секунд поймал его. Птица, взмахивая непомерными крыльями, вырывалась у него из рук, пока он не изловчился схватить ее за глотку и перекрутить ее.

Софичка зажмурилась, ей показалось, что она услышала хруст переломанных хрящей. Тяжело дыша, с упоенным лицом, Роуф возвратился к ней и швырнул огромную, еще слабо трепыхающуюся птицу к ее ногам.

— Ты видела?! — спросил он, радостно улыбаясь и снова садясь рядом с ней. Он сначала прислонил ружье к стволу бука, а потом сел, опять не забыв приподнять птиц, телепавшихся на его поясе, чтобы не подмять их.

— До чего же ты быстрый, Роуф! — воскликнула Софичка. — До чего ж ты быстрый!

— Да, я быстрый, — отвечал Роуф, старательно вытирая о траву окровавленную ладонь правой руки.

— И как ты его заметил, Роуф, — удивилась Софичка, — ты ведь смотрел на меня?

— У охотника третий глаз на затылке, — важно заметил Роуф. Чувствовалось, что он наконец успокоился.

— Ты чересчур быстрый, Роуф, — сказала Софичка, — с тобой, наверно, опасно...

— Смотря кому, — усмехнулся в ответ Роуф и посмотрел на Софичку так, словно только что ее заметил.

Солнце уже поднялось довольно высоко. В траве всю разверещались кузнечики. Высоко в небе плыли и плыли коршуны. Некоторые из них снижались на желто-зеленых холмах, где под кучами деревьев прятались охотники и откуда доносились приглушенные хлопки выстрелов.

— Роуф, — снова напомнила Софичка, — ты ведь в тот раз, когда заходил в табачный сарай, хотел мне что-то сказать? Ты ведь хотел, Роуф?!

— Да, — согласился Роуф и как-то странно посмотрел на Софичку своими светлыми глазами на загорелом лице, — но откуда ты знаешь об этом?

Он перевел взгляд на корзину с ежевикой, стоявшую между ними. И вдруг гребанул ладонью горсть ежевики и, высыпая ее в рот, снова взглянул на Софичку, каким-то странным образом соединяя ее с этой ежевикой. Так показалось Софичке.

— Я сама догадалась, Роуф, — восторженно отвечала Софичка, — как только увидела тебя, догадалась!

— Ежевика в жару хорошо идет, — сказал Роуф, причмокивая и как-то странно поглядывая на Софичку. Видно было, что он одновременно прислушивается к хлопанию выстрелов на желто-зеленых холмах. Снова, уже не глядя, запустил руку в корзину и достал еще горсть ежевики.

— Так что же ты мне хотел сказать, Роуф? — спросила Софичка, дрожа от волнения.

— Я хотел сказать, что ты лучше всех, — сказал Роуф и снова прислушался к желто-зеленым холмам. Прислушавшись и словно убедившись, что они ему не помешают, очень странно взглянул на Софичку.

— Не ври, Роуф! — вскричала Софичка. — В Чегеме столько красивых девушек!

— А ты лучше всех, — убежденно сказал Роуф и, не глядя, приподнял корзину и поставил ее влево от себя, словно освобождая место между собой и Софичкой.

— Роуф, зачем ты переставил корзину? — удивилась Софичка.

— Так надо, — сказал Роуф и стал вытирать руку о траву. Теперь ладонь его была измазана ежевичным соком. «Покончил с ежевикой и теперь приступит ко мне», — замирая, подумала Софичка. Сейчас он оттирал руку от ежевичного сока дольше, чем от крови коршуна.

— Отчего ты так долго трешь руку о траву! — вскричала Софичка, умирая от любопытства.

— Сейчас узнаешь, — сказал Роуф и вдруг снова прислушался к холмам, откуда доносились приглушенные выстрелы, словно раздумывая, не помешает ли ему то, что делается на холмах. И, словно убедившись, что не помешает, расстегнул свой охотничий ремень с дичью и накинул его на поваленный бук.

— Что ты скинул пояс, Роуф?! — вскричала Софичка, чувствуя, что ноги ее наполняются непреодолимой тяжестью.

— Вот уже год, — сказал Роуф, — как только я тебя увижу, мне хочется тебя трясти, трясти, трясти...

— Да что я, яблонева ветка, что ли, чтобы меня трясти?! — снова вскричала Софичка.

— Думаю, что тебе придется научиться готовить коршунов, — сказал Роуф и, подсев к ней, обнял ее одной рукой.

— Не хочу я готовить коршунов, — стыдливо сказала Софичка, горячо чувствуя его руку на своем плече, — небось они жилистые?

— Сначала попробуй, а потом говори, — отвечал Роуф и, крепко прижав ее к себе, поцеловал прямо в губы.

Софичка, задохнувшись, вырвала лицо, но он ее снова притянул к себе и снова поцеловал прямо в губы. Она снова вырвала лицо, но он ее крепко держал одной рукой, и она вспомнила его напряженное плечо, когда он вырывался из свалки, и подумала, что рука его сейчас, наверное, так же напряжена. И он снова притянул ее к себе, и она снова почувствовала, что чем сильнее она сопротивляется, тем теснее их сближает какая-то сила.

- Роуф, нас могут увидеть!
- Только коршуны!
- Нас обоих убьет мой брат, если узнает!
- Не бойся, я тебя украду!

Наконец он так крепко ее поцеловал, что она захотела, чтобы он ее еще крепче поцеловал. Но тут он сам оторвался от нее и встал. Она сидела с закрытыми глазами, прислонившись к буковому стволу. Он уже надел свой пояс, прикрепив к нему последнего коршуна. И сквозь тишину забвения, сквозь острый, близкий запах вянущих трав и теплой земли она откуда-то сверху услышала его голос:

— Как только уберем кукурузу и виноград, я дам тебе знак. Жди.

Шаги его быстро ушуршали по траве. Софичка очнулась. Она все так же сидела, откинувшись спиной на ствол поваленного бука. Солнце жарко припекало. Кузнечики оглушительно трещали в траве. В воздухе стоял сильный запах разогретых папоротников. Софичка чувствовала, как кровь струится в ее теле. Голова кружилась, и все, что она видела, поднималось и плыло куда-то.

Плыла земля, на которой она сидела, плыли далекие горные хребты с заснеженными, сверкающими вершинами, плыли желто-зеленые холмы, откуда теперь гораздо реже, но все еще доносились приглушенные хлопки выстрелов и взлаи разгоряченных собак. Плыла

прибрежная долина в сиреновой дымке, прорезанная серебряной лентой Кодора, и плыло огромное бездонное небо, по которому все еще пролетали бесконечные стаи коршунов, взмахивая крыльями — медленно, мощно, устало.

Прошел месяц. На приусадебном участке дедушки убрали кукурузу и уже третий день собирали виноград. Брат Софички Нури и дядя Кязым, стоя на ветках ольховых деревьев, обвитых виноградной лозой, рвали виноград. Длинные, конусообразные плетеные корзины, наполненные черными гроздьями, с шумом пробивая пожелтевшую листву своим острым концом, спускались вниз на веревке. Софичка вываливала из них виноград в большую круглую корзину, а эта, конусообразная, снова поднималась наверх.

Над корзиной вились бесчисленные полосатые осы. День был необычайно жарким, парило, ждали дождя. Дядя Кязым и Нури спешили добрать виноград до начала дождей.

Набрав с полкорзины, Софичка с трудом приподняла ее и, положив на плечо, тащила в винный сарай, где стояло огромное долбленое корыто — давяльня. Софичка, пригнувшись, перекладывала корзину с плеча на край давяльни, а потом опрокидывала в ее огромное, уже исходящее соком чрево.

Немного отдохнув у давяльни, уже почти наполненной гроздьями черной изабеллы, над которой неистово гудели опьяненные пчелы и осы, Софичка поднимала корзину и, покинув прохладный полутемный сарай, шла туда, где брат и дядя собирали виноград.

Весь этот месяц Софичка, обмирая, думала о том, что случилось там, на взгорье, у выхода из каштановой рощи. Нет, она ни о чем не жалела. Но временами ей казалось, что их кто-нибудь мог увидеть, когда ее целовал Роуф, и тогда она в ужасе кусала себе ладони и думала, что, если б такое случилось, она, вероятно, умер-

ла бы от стыда. Но такого не случилось, да и навряд ли могло случиться.

Она верила в Роуфа так, как верила в то, что после ночи должен наступить день. Конечно, время от времени и ее настигали девичьи страхи и сомнения, но ее вера и любовь к Роуфу всегда побеждали и отгоняли страхи и сомнения. Она ждала знака от него и готова была по первому его слову бежать с ним туда, куда он найдет нужным.

Конечно, она предпочла бы не огорчать близких своим тайным побегом, но, видно, иначе нельзя. Она знала, что дедушка ее навряд ли добровольно согласился бы отдать ее за полутурка, хотя и «обабхазившегося», да еще и коршуноеда. Если б он был только из турок или только из коршуноедов, может быть, близкие скрепя сердце согласились бы на ее замужество, а так кто его знает, что будет.

Конечно, и Роуф это понимал. Да и, по обычаям абхазским и вообще горским, умыкнуть девушку даже с ее согласия считалось делом чести, это придавало некий дополнительный чувственный жар обладателю ее: краденая слаще законной.

Все эти дни, пока собирали виноград, Софичка с лихорадочным нетерпением ожидала весточки от Роуфа. «Что он думает делать? Как там они, убрали кукурузу и виноград или нет? Раз мы кончаем убирать виноград, значит и они кончают, — думала она, — или у них чуть позже все вызревает? Или что другое?»

Уже близко к полудню, когда Софичка с корзиной на плече проходила в винный сарай, она вдруг увидела незнакомого мальчика лет двенадцати, осторожно перешагнувшего через перелаз и идущего ей навстречу по скотному двору. Что-то дрогнуло в груди у Софички при виде этого мальчика. Софичка крепче уцепилась за корзину, чтобы не упустить ее. Это был совсем незнакомый мальчик, Софичка была уверена, что никогда не видела его.

Они приближались друг к другу по широкому скотному двору, и мальчик, как заметила Софичка, оглядывал ее прекрасными, правда чересчур наглыми, зелеными глазами. Поравнявшись с ним, Софичка остановилась.

— Мальчик, ты откуда? — спросила она.

— Оттуда, — махнул мальчик в сторону восточной части Чегема.

— А что тебе здесь надо? — дрогнувшим голосом спросила Софичка, глядя на мальчика и стараясь держать корзину в равновесии.

— Мне бы Софичку увидеть, — сказал он, глядя в глаза Софички своими зелеными наглыми длинноресничными глазами.

— А зачем она тебе? — спросила Софичка, боясь своим голосом испугать радость.

— Дельце есть, — сказал мальчик важно.

Софичка почувствовала, что с корзиной на плече она не выдержит, если это весть от Роуфа. Мальчик прислушивался к деревьям, где собирали виноград и откуда время от времени доносился шорох раздвигаемых листьев: то спокойный, то шумный и раздраженный, в зависимости от удаленности виноградных гроздьев.

— Пойдем со мной, — сказала Софичка и быстрыми шагами пошла к винному сараю. Войдя в сарай, она, не пригибаясь и не ставя ношу на край давяльни, на ходу вбросила туда перевернувшуюся корзину и, тяжело дыша, обернулась к мальчику: — Говори!

— Мне бы Софичку, — спокойно повторил мальчик, глядя на нее своими большими зелеными невозмутимыми глазами.

— Я, я Софичка! — выкрикнула Софичка, в нетерпении топнув ногой по земляному полу сарая.

— А я знаю? — спокойно отвечал мальчик, глядя на нее своими невозмутимыми длинноресничными глазами. — Может, ты родственница какая...

— Да Софичка я! — крикнула Софичка чуть не плача. — Говори, противный мальчишка!

— Нет, — помотал головой мальчик, — мне надо точно знать, что ты Софичка.

— Ты от Роуфа?! — выдохнула Софичка, теряя терпение.

— Ха! — усмехнулся мальчик. — Так я тебе и сказал...

— Да как же тебе доказать?! — в отчаянии спросила Софичка.

— Это твой брат там собирает виноград? — кивнул мальчик в сторону усадьбы.

— А кто же! — отвечала Софичка в нетерпении.

— Там двое, — уточнил мальчик, — а второй кто?

— Дядя! — крикнула Софичка.

— Вот и хорошо, — пояснил мальчик, глядя на нее своими наглыми ангельскими глазами, — будем ждать. Как только у них наполнятся корзины, они позовут тебя, и мы послушаем твое имя. Только если они назовут тебя иначе, не говори, что это твоя домашняя кличка.

— Господи, какой хитрый, — удивилась Софичка, радуясь, что у нее в самом деле не было никакого домашнего имени.

— А как же, — важно сказал мальчик, — такое дело дурачку не поручат.

— Какое же дело? — не утерпела Софичка, задыхаясь от волнения.

— Об этом я скажу, когда узнаю, кто ты такая, — терпеливо отвечал мальчик, прислушиваясь к чему-то и глядя на Софичку своими длинноресничными глазами видавшего виды ангелочка.

Они простояли еще минут десять, показавшиеся Софичке вечностью. Мальчик спокойно озирался в винном сарае, не выказывая никаких признаков нетерпения. Он даже взял из давилъни гроздь, забрасывая ягоды в рот и причмокивая, глотал их якобы исключительно с целью дегустации. Вид у него был такой важ-

ный, что Софичке, терявшей терпение, захотелось трахнуть его по башке корзиной.

— Да, — сказал мальчик с видом знатока, — виноград набрал сладость... Можно давить...

— Откуда только тебя выкопали? — не удержалась Софичка.

— Как откуда? — отвечал мальчик рассудительно. — Я уже двух девок выдал замуж... Ничего... Живут, не сбежали...

— Так, значит, ты от Роуфа! — вскричала Софичка.

— Ничего не значит, — ответил мальчик, нахмурившись оттого, что сказал лишнее.

Софичка уже была готова разорваться от нетерпения, но тут раздался голос Нури.

— Софичка, — заорал он с дерева, — ты что там, подохла в давилльне?!

— Иду, иду! — крикнула Софичка и, вывалив из корзины виноград, взяла ее в руки. — Ну, теперь ты скажешь? — спросила она, обернувшись к мальчику.

— Теперь скажу, — ответил мальчик.

— Так говори, — взмолилась Софичка, — видишь, брат зовет?!

— Так ты готова ощипывать коршунов? — пытливо спросил мальчик.

— О господи! — воскликнула Софичка. — При чем тут коршуны?

— Отвечай, — властно сказал мальчик.

— Ну, готова, готова! — вскрикнула Софичка.

— А поджаривать их на вертеле? — безжалостно продолжал мальчик.

— И поджаривать, — покорно вздохнула Софичка, чувствуя, что спорить с мальчиком бесполезно.

— И кушать, само собой? — уточнил мальчик.

— И есть, — тихо согласилась Софичка, краснея. Они уже шли в сторону деревьев, где брат и дядя рвали виноград.

— Софичка! Софичка! — снова с дерева заорал Нури.

Софичка вздрогнула и остановилась.

— Иду! Иду! — крикнула она, глядя на мальчика.

Мальчик удовлетворенно слушал голос ее брата, как бы окончательно признав, что Софичка и есть Софичка.

— Ну так вот, — сказал мальчик торжественно, — сегодня, как только стемнеет, Роуф тебя ждет на холме возле старой крепости.

— А больше он тебе ничего не сказал? — спросила Софичка, от волнения перебросив корзину с одной руки на другую.

— Хватит и этого, — ответил мальчик, — ну, я дальше не пойду. Мне вовсе незачем мозолить глаза твоему брату. Еще мстить вздумает...

— Спасибо, — тихо шепнула Софичка и, быстро наклонившись, поцеловала мальчика в щеку.

— Этого еще не хватало, — буркнул мальчик и сурово вытер щеку плечом.

— Я тебе обязательно что-нибудь подарю за эту весть, — тихо сказала Софичка, чувствуя к маленькому вестнику необычайную нежность.

— Многие так говорят, — язвительно заметил мальчик, — но потом выходят замуж и все забывают.

— Нет, нет, я никогда не забуду! — вскричала Софичка.

— Поживем — увидим, — сказал мальчик и добавил с видом человека, не привыкшего брать на себя неразумную долю риска: — Ну, я пошел. Мне незачем мозолить глаза твоему брату.

— Иди, иди, — шепнула Софичка, — я все сделаю как надо.

— Так не забудь — у старой крепости, — напомнил мальчик, поворачиваясь, — а то еще придешь куда-нибудь не туда... У вас ведь, у девок, голова дырявая...

— Нет, нет, я все сделаю как надо, — сказала Софичка, чувствуя необычайный прилив нежности к этому мальчику, словно предвидя в нем собственного сына.

— Еще бы, — буркнул мальчик и быстрыми шагами направился к перелазу.

Все, что происходило дальше, Софичка воспринимала как в тумане. Она принесла в винный сарай еще несколько корзин винограда. Потом брат и дядя слезли с деревьев и пошли давить виноград. Софичка принесла из дому кувшин с водой и мыло. У края скотного двора нарвала охапку папоротниковых стеблей. Вошла в винный сарай и у самого винного корыта выстлала папоротником земляной пол, положила на него мыло и поставила рядом кувшин.

Закатав до колен галифе, брат и дядя поочередно, становясь на папоротниковую подстилку, с мылом вымыли ноги и залезли в давяльню.

Софичка постояла возле них, ощущая скрежещущие, шлепающие и чавкающие звуки раздавливаемых гроздей, глядя, как мерно работают их сильные, мускулистые, теперь до колен окрашенные в красный сок ноги, то и дело вминающиеся в наваленный виноград и с аппетитным чмоком выдирающиеся оттуда и снова вминающиеся в сочно лопающиеся ягоды. Убедившись, что теперь они здесь достаточно долго пробудут, Софичка побежала домой, прихватив с собой кувшин и мыло.

Уже давно приготовленный чемодан с одеждой и бельем лежал у нее под кроватью. Сейчас надо было незаметно вынести его, спрятать где-нибудь в зарослях недалеко от дома, а потом вечером, когда она сбежит, прихватить его. Софичка много раз думала об этом и правильно решила, что вечером, когда в доме все соберутся, незаметно вынести чемодан будет гораздо труднее.

Сейчас в доме никого не было, кроме Нуцы, жены дяди Кязыма. Она возилась на кухне. Софичка выбе-

жала за ворота и оглядела верхнечегемскую дорогу, насколько ее охватывал глаз. Никого.

Она снова вбежала в дом, вошла в свою комнату, достала чемодан и вышла с ним на заднее крыльцо. Спустилась в огород и, ступая прямо по шумящим лопухим листьям тыквы, подошла к плетню и перетащила чемодан на верхнечегемскую дорогу. Потом вскочила на плетень, прыгнула вниз и, схватив чемодан, стала подниматься по крутому склону, поросшему зарослями самшита, рододендрона, азалий.

Продираясь сквозь колючие кустарники ежевики, она влезла в самые густые заросли азалий и спрятала в них чемодан. Потом она нарвала ореховых веток и воткнула их так в кусты азалий вокруг чемодана, чтобы он был совсем незаметен, хотя он и так был незаметен.

Она отошла на несколько шагов, пытливо вглядываясь в место, где спрятан чемодан, окончательно убеждаясь, что его не видно. Приметила большой белый камень, торчавший из земли возле кустов азалий. Он мог потом послужить ей хорошим ориентиром. Особенно в темноте. Наконец Софичка покинула взгорье и вернулась домой.

Из давилни гукнул голос Нури. Он просил свежей воды. Софичка взяла кувшин и быстро спустилась к роднику. Набрав воды, она поставила кувшин на плечо и, ни разу не отдохнув в пути, принесла его домой. Она перелила свежей воды из кувшина в чайник,хватила стакан и спустилась в винный сарай.

Обливаясь горячим потом, с красными, измазанными винным соком ногами, брат и дядя продолжали усердно топтать виноград. Софичка налила в стакан воды, сполоснула его и наполнила. Она подала его сначала дяде, и тот медленно пил, запрокинув голову и двигая кадыком. Он пил, не выходя из давилни. Потом пил Нури, тоже не выходя из давилни. Он жадно выпил несколько стаканов воды.

Утолив жажду, он вспомнил о голоде.

— Обед скоро? — спросил он, шумно выдыхая воздух и выплескивая остаток воды из стакана.

— Сейчас, — сказала Софичка и, поставив чайник на папоротниковую подстилку, надела ему на носик стакан и побежала домой.

Тетя Нуца, стоя у разожженного очага, взялась за мамалыгу. Софичка сбегала на огород, нарвала луку, чесноку, кинзы и петрушки. После этого она надела на вертел куски копченого мяса, разгребла жар в очаге и поджарила его. Прислонив шипящий вертел к краю очага, она вышла во двор, кликнула детей тети Нуцы, игравших в доме тети Маши, и позвала мужчин, работавших в винном сарае.

К обеду брат принес в чайнике сладкого, еще не перебродившего вина — мачари. Софичка выпила стакан густого вина и почувствовала, что у нее закружилась голова. Такое вино не должно было ударить в голову, но ударило, и Софичка этому очень удивилась. Она не понимала, что ее волнение придавало вину крепость. Движения ее стали порывисты.

— Что с тобой, Софичка? — спросил дядя Кязым.

— Опьянела от мачарки, — усмехнулся Нури.

Поев и покурив, брат и дядя снова ушли в винный сарай давить виноград. Софичка от волнения и бесконечности ожидания вечера не знала, чем занять себя. Она вымыла полы во всем доме и вымылась сама.

Вдруг ей пришло в голову, что кто-то мог залезть в кусты азалий, обнаружить ее чемодан и унести его. В ужасе Софичка выскочила из дому, перебежала верхнечегемскую дорогу и, снова продираясь в зарослях, поднялась к тому месту, где был спрятан чемодан.

Чемодан стоял на месте, но ветки ореха, сброшенные на кусты азалий, приувяли и теперь выглядели подозрительно. Она скинула ветки ореха с зарослей азалий и еще глубже в кусты упрятала чемодан. Спускаясь на дорогу, она вдруг встретила с лесничим Омаром.

Вздорный лесничий не мог не проявить свою вздорность.

— Ты что там делала? — громко спросил он у нее, удивляясь тому, что она откуда-то сверху спускается на дорогу.

— Ничего, — ответила Софичка, выходя на дорогу.

— Как так — ничего, — заорал он, — люди как люди ходят по дороге, а ты что по чащобам шастаешь?

— Я так, я ничего, — отвечала Софичка, стараясь успокоить его своим ровным голосом. Она боялась, что дома его кто-нибудь услышит.

Несколько секунд он смотрел на нее, сверкая подозрительными глазками, и Софичка со страхом подумала, что вот сейчас он поднимется по ее следам и обнаружит ее тайну.

— «Ничего», — злобно передразнил он ее, — если ты девушка, ты должна скромно идти по дороге, а не шастать по кустам... Совсем стыд потеряли...

Это он говорил, уже продолжая свой путь. Софичка облегченно вздохнула: ну какое твое дело, проклятый старикашка!

К вечеру небо обложило тяжелыми, черными тучами. Солнце с трудом пробивалось над горизонтом и обаграло зловещим цветом край неба. Коровы, мыча, стояли у ворот скотного двора. Дедушка пригнал коз и впустил их в загон, откуда они беспрерывно переблеивались с козлятами.

Куры стали взлетать на инжировое дерево, где они обычно устраивались на ночь. Некоторые из них, не долетев до намеченной ветки, падали вниз, вызывая почему-то гневное порицание петухов. Иногда петухи, не удовлетворяясь устным порицанием, набегали на кур и топтали их, как бы возбужденные женственной слабостью их крыльев и одновременно наказывая их за это. После чего, отряхнувшись, куры взлетали гораздо удачнее. И было непонятно, что именно их вдохновляло: сама процедура наказания или боязнь ее по-

вторения. Впрочем, Софичка этих подробностей не замечала.

Она стояла посреди двора и, сама того не осознавая, прощалась с дедушкиным домом, где она выросла, со старой яблоней, упирающейся замшелой веткой в веранду, с грецким орехом, осеняющим двор справа. Она слушала бляенье коз в загоне, мычанье коров, уже загнанных в скотный двор, кудахтанье взлетающих на дерево кур.

И когда жена дяди Кязыма вышла из кухни с поддоном, чтобы подоить коров и коз, а дедушка прошел в винный сарай, чтобы посмотреть, как там давят виноград, она решила — пора.

Волнение комом стояло у нее в горле, и она могла разрыдаться, если б не страх за предстоящее дело. Заставив себя выйти, а не выбежать со двора, она уже почти бегом поднималась в гору, цепляясь за кусты лесного ореха, кизила, самшита, опутанные колючими плетями ежевики. Здесь, в зарослях, уже было довольно темно. Но вот и камень белеет, а вот и кусты азалий.

Софичка подбежала к ним, с шумом отогнула упругие ветки и выволокла чемодан. Она быстро раскрыла его, вынула оттуда крепдешинное платье, чулки, кофту и красные городские туфли. Со страхом озираясь в зеленом полумраке, она скинула с себя домашнее платье, натянула праздничную одежду, надела городские красные туфли, запихнула в чемодан снятое платье, вернула свои домашние башмачки в листья лопуха и, сложив их в чемодан, закрыла его.

В быстро сгущающихся сумерках, то продираясь сквозь заросли, то ступая по козьим тропам, Софичка теперь двигалась в сторону старой крепости, где ее должен был ждать Роуф.

Минут через тридцать, когда она, по ее расчетам, должна была выбраться на открытое пространство, она почувствовала, что зашла куда-то не туда. Вершина

взгорья была покрыта зарослями папоротников, и там высились развалины старой крепости.

Но ничего такого не было видно. Софичка почувствовала, что промахнулась, взяла левее или правее. Вокруг нее росли бесконечные кустарники с редкими букowymi и каштановыми деревьями, и она с каждой секундой с нарастающим ужасом осознавала, что заблудилась и ничего вокруг не узнает.

И как это бывает в таких случаях, именно то, что она заблудилась рядом с домом в местах, которые она сотни раз исходила с самого детства, вселяло в нее дополнительный суеверный страх. То ей казалось, что она сошла с ума от волнения и ничего не узнает вокруг, то ей казалось, что какие-то силы заколдовали это взгорье, чтобы она, не узнавая дороги, не смогла встретиться со своим возлюбленным.

Ужас позорного возвращения домой, разоблачения, расстройства свадьбы охватил ее с такой силой, что она готова была броситься на землю и зарыдать.

И все-таки из последних сил она держала себя в руках и пыталась понять, куда ей двигаться. Но пламя панники уже охватило ее, и она, рванувшись в одном направлении, через несколько минут меняла его, боясь, что идет не туда, и снова убеждалась, что не узнает местности. Все деревья и кусты, которые она различала в темноте, казалось, чуть-чуть сдвинулись со своего места, и невозможно было определить, куда идти.

Софичка собрала все свои силы и решила на последний, здравый шаг. Она повернула назад и вышла на верхнечегемскую дорогу, рискуя с кем-нибудь встретиться. Над верхнечегемской дорогой, прямо напротив дома тети Маши, который стоял внизу под дорогой, вела тропа в сторону старой крепости.

Как только она спустилась к белеющей в темноте дороге, силы снова вернулись к ней, она сразу поняла, где находится, и была уверена, что если бы теперь сно-

ва поднялась на гору, то обязательно правильно вышла бы к нужному месту.

Но она не стала рисковать, а пошла по дороге радостной быстрой походкой. Она только боялась, что ей встретится в пути кто-нибудь из чегемцев и до срока догадается о ее намерениях.

Поравнявшись с домом тети Маши, который стоял в некоторой глубине, внизу под дорогой, она услышала ее голос, перекликающийся с кем-то.

— Не видели! Не видели! — кричала тетя Маша, откликаясь на чей-то голос.

Не вслушиваясь в голоса, она свернула на тропу и пошла вверх, и, только когда голоса угасли, она вдруг догадалась, что это кричали из Большого Дома и искали ее. С нежной грустью, жалея родных, Софичка поднялась по тропе и вышла на лужайку возле старой крепости и увидела на фоне сереющей стены силуэт человека, державшего под уздцы лошадей, и силуэт другого человека, похаживающего возле него.

— Ты чего по тропе пришла? — тревожно спросил Роуф, быстро подходя к ней и беря у нее чемодан.

— Я заблудилась, — выдохнула Софичка. Она все еще тяжело дышала после крутого подъема.

— Заблудилась? — переспросил Роуф, сиюсь понять, как это она могла заблудиться рядом со своим домом, и, словно почувствовав, что нет времени осмысливать такие странности, оборвал себя: — Едем!

Несколькими быстрыми, резкими движениями он приторочил чемодан к седлу своей лошади. Потом взял под уздцы лошадь, предназначенную Софичке, и подвел к ней.

— Быстрей, — сказал он и, одной рукой придерживая под уздцы лошадь, другой придвинул Софичке стремя.

Она подняла ногу, стараясь это сделать попристойнее, хотя было темно, сунула ее в стремя, ухватилась за луку седла и, с силой оттолкнувшись от земли, села

СОДЕРЖАНИЕ

СОФИЧКА.....	5
МОРСКОЙ СКОРПИОН	169

Искандер Ф.

И 86 Софичка : повести / Фазиль Искандер. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-07954-0

Фазиль Искандер — живой классик русской и абхазской литературы. Среди множества его наград — Государственная премия СССР и премия Андрея Сахарова «За мужество в литературе». Прозу Искандера отличает искрящийся темперамент, афористичность, смелый юмор и то особенное духовно-нравственное пространство, в котором абсолютной ценностью утверждаются человеческая жизнь и личность.

В настоящее издание вошли две большие повести писателя: «Софичка» — трогательная история чегемской девушки, основами бытия утверждающая верность, честь и искренность чувств; «Морской скорпион» — повесть о духовном поиске молодого ученого, о преодолении жизненных невзгод и обретении опоры в мире, далеко не всегда благосклонном к человеку.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Литературно-художественное издание

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР
СОФИЧКА

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Станислава Кучепатова, Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.08.2016.

Формат издания 75 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YVAK1595602R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/